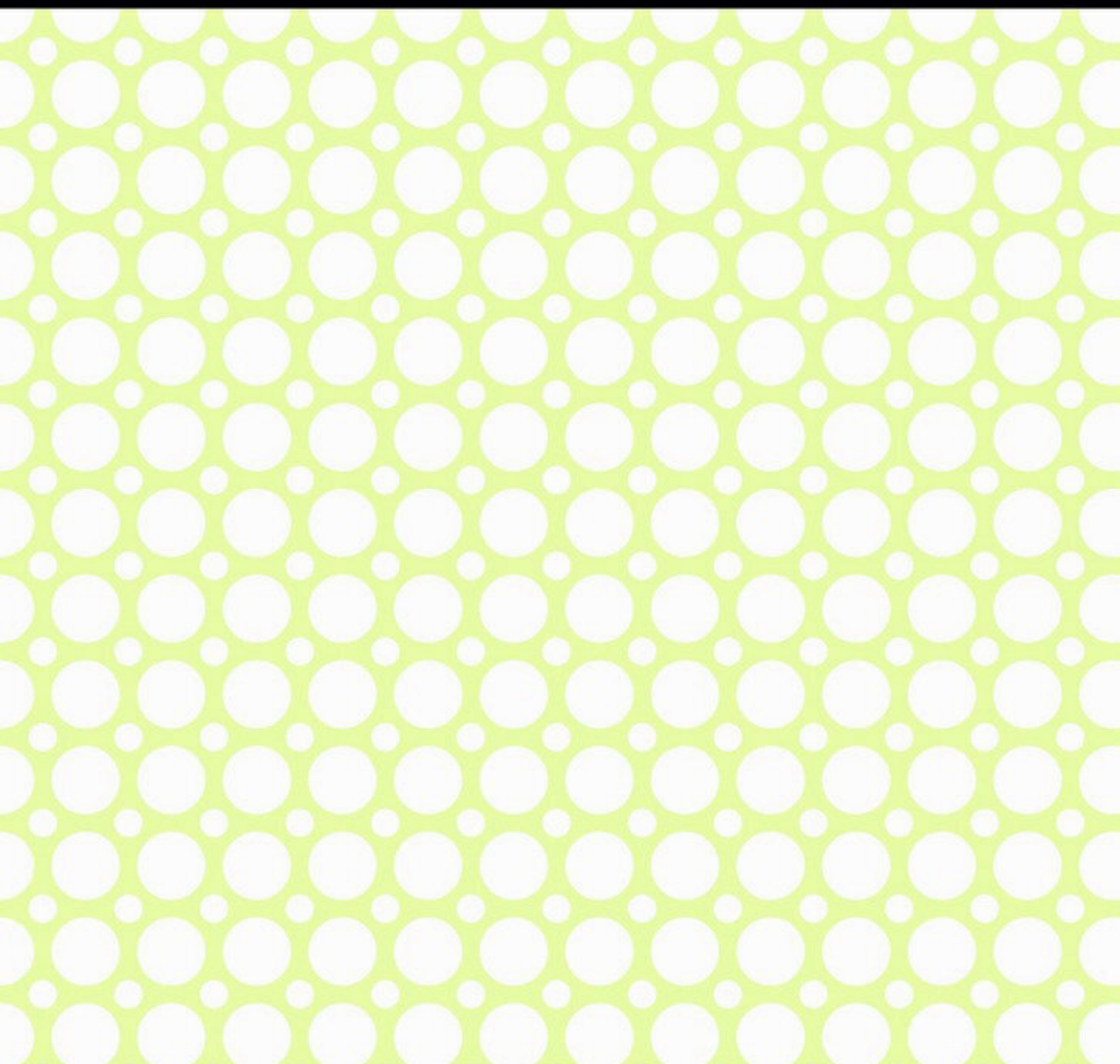

18+

ДИАНА ПЫЖИКОВА

Театр безмолвных масок (Флоренция)

Диана Пыжикова

**Театр безмолвных
масок (Флоренция)**

«Издательские решения»

Пыжикова Д.

Театр безмолвных масок (Флоренция) / Д. Пыжикова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695755-8

Идеальный ритм Колледжа — это рабство. Герои прошлых книг вновь в строю: Марко, Лина, Юлиан и Николас везут в Прагу «Железный Бехштейн». Закаленные «черным резонансом» Бальтазара, они превратили музыку в стальной таран. В городе механизмов их израненные судьбы станут единым оружием. Чтобы выжить, им придется сбить пульс самой империи.

ISBN 978-5-00-695755-8

© Пыжикова Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Герои во Флоренции	6
Глава 2 Мастерская Юлиана	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Театр безмолвных масок (Флоренция)

Диана Пыжикова

© Диана Пыжикова, 2026

ISBN 978-5-0069-5755-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Герои во Флоренции

Флоренция в этот вечер задыхалась от зноя – густого и липкого, как перезревший инжир. Объявления о «Единственном выступлении Маэстро Тишины» пестрели на каждом углу: дешевая бумага, золотое тиснение, чей-то рекламный трюк, обещавший невозможное. Лина зашла в театр не ради искусства, а чтобы скрыться от чувства собственной посредственности, ставшего в последнее время её второй кожей.

Внутри пахло старой пудрой и пыльным бархатом. Она заняла место в пятом ряду и плотнее повязала шелковый шарф, словно тот мог защитить её от тяжелого воздуха. Внезапно Лина почувствовала на себе чей-то взгляд – физически ощутимый, свинцовый.

Через два кресла от неё сидел Николас Уоррингтон.

Последний раз она видела его на приеме в Лондоне, где он блистал, прожигая свое сомнительное наследство. Сейчас он казался обычным праздным аристократом, зашедшим поглазеть на диковинку. Но Лина заметила, как дрожат его пальцы, сжимающие программку, и как неестественно прямо он держит спину, словно в позвоночник ему вставили стальной штырь.

Когда их глаза встретились, Николас не улыбнулся. Его зрачки расширились, съедая радужку, а по лицу пробежала судорога узнавания. Во взгляде мелькнуло не приветствие, а ледяное, яростное предупреждение: «Беги».

– Николас? – одними губами произнесла она.

Он не пошевелился, лишь едва заметно качнул головой. Костяшки его пальцев побелели. В полумраке зала его кожа казалась восковой, а под глазами залегли глубокие тени, которые не спишешь на бессонницу.

– Ты не должна была приходить, Лина, – прошелестел он, не оборачиваясь. Голос его был сухим, надтреснутым. – Это не шоу. Это ловушка для таких, как мы. Для тех, кто привык хранить слишком много чужих тайн.

В этот момент занавес дрогнул. Из-за кулис потянуло могильным холодом, мгновенно разрезавшим духоту зала. На сцену, тяжело припадая на левую ногу, вышел человек в угольно-черном фраке. Его лицо скрывала маска из белого фарфора без прорезей для глаз.

– Тишина, – произнес Маэстро. Лина вжалась в кресло: это был не человеческий голос, а шорох тысяч увядших листьев.

Николас резко схватил её за запястье. Его ладонь оказалась обжигающе горячей.

– Не слушай его паузы, – прошипел он, впиваясь пальцами в её кожу. – В них он забирает память. Если он дойдет до финала, ты забудешь даже свое имя.

Гул от удара по клавишам не затих – он перерос в плотную вибрацию, от которой заныли зубы. С высокого лепного потолка, из вязкой тьмы карнизов, начали медленно спускаться сотни фарфоровых масок. Они раскачивались на невидимых нитях, словно белые черепа в тумане. Каждая в точности повторяла черты лица одного из сидящих в зале.

Лина в ужасе задрала голову: прямо над ней качалось её собственное бледное подобие с пустыми глазницами.

– Не смей надевать её! – выкрикнул Николас, перекрывая гудящий рояль. Он сорвал с шеи галстук и обмотал им ладонь, словно готовился к рукопашной схватке. Его спина была напряжена до предела: он знал, что Марко Альбрицци не просто играет – он перекраивает реальность под ритм своего безумия.

У входа Юлиан Грей лихорадочно копался в карманах тяжелого кожаного фартука. Его прибор – перепаянный осциллограф, обмотанный медной проволокой, – истошно визжал, изрыгая искры. Стрелка застряла в красной зоне, дергаясь в такт ударам Марко по клавишам.

– Жатва... – выплюнул Юлиан, стирая со лба едкий пот. Он видел, как от ножек рояля по паркету расплзаются черные, похожие на вены трещины. Это была не музыка, а хищная механика, пожирающая пространство.

Юлиан выхватил тяжелый гаечный ключ и наотмашь ударил по засову заблокированной двери. Лязг металла поглотило без остатка, словно театр превратился в вакуумную камеру.

На сцене Марко Альбрицци казался одержимым. Его пальцы двигались с неестественной скоростью, высекая из рояля каскады ломаных, болезненных нот. Каждый аккорд вытягивал из зрителей цвет: люди в первых рядах начали сереть, их кожа приобретала мертвенную текстуру холодного фарфора.

– Грей! – заорал Николас, заметив механика в тени. – Делай что-нибудь! Он замыкает акустическую петлю!

Лина почувствовала, как её шарф стал неподъемным, словно намок под дождем. Маска над её головой опустилась еще ниже, едва не касаясь лба холодным краем.

– Юлиан, помоги! – её голос сорвался на шепот: тишина Альбрицци уже заполняла лёгкие.

Грей взглянул на искрящийся прибор, затем на сцену. Чтобы остановить этот кошмар, нужно было физически разорвать звуковую волну на пике резонанса.

Воздух в театре превратился в вязкий кисель, дрожащий на грани ультразвука. Лина чувствовала, как тело предаёт её: суставы налились свинцом, а барабанные перепонки пульсировали в такт безумному темпу Марко. Это была не просто игра – это была вивисекция самого пространства.

Фарфоровые маски над головами зрителей начали испускать тусклое, мертвенное сияние. Они раскачивались всё быстрее, высасывая из зала последнее дыхание. Каждая вибрация рояля находила отклик в пустых глазницах. Лина видела, как женщина в третьем ряду обмякла в кресле, а её маска-близнец вдруг обрела румянец и плотность. Мастер Тишины перекачивал жизнь из плоти в керамику.

Николас рухнул на колени в проходе. Звук, вырвавшийся из его горла, был похож на звон разбиваемого хрустала – чистый, пронзительный и смертоносный. Рояль Марко использовал Ника как живой камертон, растягивая его нервы, словно струны.

– Хаос! – прохрипел Юлиан; его испачканные в масле пальцы лихорадочно терзали струны прибора. – Ломай структуру, Лина! Он не выносит погрешностей!

Грей ударил по металлу тяжелым ключом, создавая лязгающий, ритмичный грохот. Этот «грязный» звук прорезал стерильную белизну аккордов Марко, как ржавый нож – атлас. Акустический купол над залом дрогнул, по фарфоровым маскам побежали мелкие трещины.

Марко Альбрицци за роялем откинул голову. Из-под его маски потекла струйка крови, но пальцы продолжали летать по клавишам с нечеловеческой скоростью. Он перестал быть мужчиной, превратившись в органический привод, в деталь огромного музыкального станка.

Лина поняла: Марко – воплощение той самой «идеальности», которой она одновременно жаждала и боялась. Безупречный механизм без тени изъяна. Чтобы выжить, ей нужно стать его противоположностью. Сделать нечто настолько неправильное, грязное и живое, чтобы алгоритм Альбрицци захлебнулся.

Она сорвала шарф, впусив в себя ледяной сквозняк – тот самый «петербургский лед», о котором когда-то кричал Юлиан. Холод одиноких репетиций в промерзших классах, ярость непризнанного таланта и скрип снега под ногами.

– Ты хочешь чистоты? – выдохнула она, глядя в слепые глазницы маски Марко. – Получай правду.

Лина набрала в легкие раскаленный воздух Флоренции и издала звук – хриплый, ломанный, исполненный жизни и боли, – который вдребезги разнес идеальную симметрию этого кошмара.

Теперь флорентийский театр напоминал поле боя, где вместо гильз на полу хрустели осколки фарфора. Воздух, еще минуту назад плотный, как бетон, казался разреженным и выстуженным. Лина стояла на сцене, тяжело дыша; ярость, гнавшая её вперед, медленно остывала, оставляя после себя лишь звонкую пустоту.

Маски на потолке больше не представляли угрозы. Они висели мертвым грузом, напоминая выпотрошенные коконы. Их механизмы – шедевры часовой точности, призванные улавливать резонанс, – были сожжены диссонансом, который Лина выпустила на волю. Это был звук человеческого изъяна, надрывный и подлинный, ударивший по алгоритму Альбрицци, как кувалда по тонкому стеклу.

Марко стоял у рояля, покачиваясь. Без маски он выглядел не великим маэстро, а жертвой катастрофы. Его руки, которыми он так гордился, дрожали. Кровь из разбитых о клавиши подушечек пальцев капала на белую слоновую кость, оставляя на ней позорные, «неправильные» пятна.

– Гармония... она была совершенна, – прошелестел он, и в этом звуке было столько же боли, сколько в скрежете ржавого металла. Он смотрел на Лину с ужасом и почти религиозным благоговением. – Ты впустила в этот зал энтропию. Ты убила идеал.

– Идеал – это морг, Марко, – ответила Лина. Она чувствовала, как к горлу возвращается тепло. Шарф больше не душил её – он стал просто куском ткани. – Моретти хотел сделать из нас живые инструменты, но инструменты не чувствуют боли. А я – чувствую.

Николас Уоррингтон миновал последние ряды партера, тяжело волоча ноги. От его аристократической выправки не осталось и следа; он выглядел как человек, переживший пытку на дыбе. Его модифицированные связки всё еще пульсировали от боли, но смертельная вибрация исчезла.

– Он прав, – прохрипел Николас, вцепляясь в край сцены, чтобы не упасть. – Ты совершила преступление. Теперь за нами придут те, кто инвестировал в эту «чистоту». Ты сорвала поставку, Лина. Весь зал должен был стать банком данных, идеальным сигналом.

У входа послышался резкий лязг. Юлиан Грей, чьи цимбалы еще дымились от перегрузки, закидывал приборы в походную сумку.

– Хватит лирики! – крикнул он, перекрывая воцарившуюся тишину. – Акустический купол лопнул, и это заставило взвыть все датчики в радиусе трех миль. Если мы не уберемся из этого склепа в ближайшие пять минут, нас упакуют обратно в фарфор.

Грей взглянул на Лину, и в его глазах она впервые прочитала не технический расчет, а уважение.

– Лина, бери этого «маэстро» за шиворот! Уходим через старые коллекторы под театром.

Флоренция за стенами отозвалась воем сирен, но под сводами, затянутыми паутиной фарфоровых нитей, время вязло, как смола. Лина стояла в центре их маленького отряда; её тонкая тень легла на разбитые клавиши рояля, словно стрелка солнечных часов, замершая на полночи.

Юлиан не ждал приказа. Он выхватил из кармана фартука медную сферу – одну из своих «глушилок» – и с силой разбил её о пол. Густое облако ионизированной пыли взметнулось вверх, ослепляя встроенные в лепнину сенсоры.

– Дышите через ткань! – рявкнул он, закидывая ремень сумки на плечо.

Николас попытался выпрямиться. Его пальцы соскользнули с края сцены. Он посмотрел на Марко – тот походил на выброшенную на берег рыбу, жадно хватающую сухой воздух. В глазах пианиста безумие мешалось с горьким прозрением: мир, выстроенный из безупречных интервалов, рассыпался прахом.

– «Тайный оркестр»... – Марко повторил её слова, пробуя их на вкус, как яд. – Ты хочешь играть музыку руин?

– Я хочу играть музыку, которая не убивает исполнителя, Марко. – Лина крепко схватила его за холодную, испачканную кровью руку. – У нас мало времени. Юлиан, где выход?

Грей указал тяжелым ключом на люк, скрытый под слоем бархатной драпировки – старый подъемник для декораций, ведущий в подzemелья, помнившие еще Медичи.

Сверху, с ярусов, донесся сухой треск. Маски на нитях синхронно повернули головы к сцене. Их фарфоровые челюсти задвигались, издавая дробный, кастаньетный звук: охрана Колледжа Святой Цецилии активировала режим удаленного захвата.

– Живее! – Николас первым прыгнул в темноту люка. За ним, спотыкаясь, последовал Марко, которого Лина буквально толкнула в спину.

Лина на мгновение задержалась. Она окинула взглядом затихший зал, где в полумраке мерцали сотни пустых глазниц. Теперь она не чувствовала себя посредственностью. Она была искрой в пороховом погребе.

– Прощай, Флоренция, – прошептала она. – Твоя тишина слишком дорого стоит.

Когда кованые сапоги оперативников выбили двери партера, на сцене уже никого не было. Только разбитый рояль, на белых клавишах которого подсыхали багровые капли, и забытый шелковый шарф, лениво качающийся на сквозняке.

Глава 2 Мастерская Юлиана

Стены мастерской Юлиана пахли канифолью, озоном и старым железом. Лампа под низким потолком раскачивалась, отбрасывая на своды гигантские, изломанные тени четырех заговорщиков. Юлиан не просто играл – он истязал свой самодельный инструмент, выбивая из него хриплые, прокуренные аккорды, которые казались святотатством после безжизненного театрального зала.

– Слышишь этот дребезг? – Грей обернулся к Марко; его глаза лихорадочно блестели. – Это четвертая струна резонирует с ржавым гвоздем в корпусе. В твоём Колледже за такой звук расстреливают из партитур, а здесь это – характер.

Марко пятился, пока не уперся спиной в холодный токарный станок. Его пальцы, привыкшие к бархатному сопротивлению клавиш за миллионы лир, судорожно сжимались. Для него этот хаос был физической пыткой, словно кто-то царапал алмазом по стеклу его души.

– Ты не понимаешь... – прошептал Альбрицци. – Математика звука... она не терпит грязи. Если нет точности, остается только шум.

Лина сделала шаг вперед, входя в полосу желтого света. Она положила руку на побитую крышку пианино: дерево под её ладонью было теплым и шершавым.

– Точность – это клетка, Марко. Моретти кормил тебя метафизическим сахаром, пока твои мышцы не атрофировались. – Её голос опустился до хрипотцы, которую в консерватории годами пытались «выжечь» упражнениями. – В Москве, когда мороз прижимает к земле, ты поешь не ради гармонии. Ты поешь, чтобы согреться. Чтобы доказать, что ты еще жив.

Она кивнула Юлиану. Тот взял резкий, диссонирующий интервал, и Лина подхватила его – не безупречным сопрано, а надтреснутым, живым звуком, в котором слышался свист ветра в подворотнях Арбата. Это был вызов всей флорентийской эстетике.

Николас, сидевший в тени на ящике с инструментами, вдруг закашлялся. Из его груди вырвался странный, металлический звук – отголосок «резонаторов», всё еще отравлявших кровь.

– Она права, маэстро. – Николас поднял голову; его лицо в полумраке казалось маской из серого гипса. – Моретти не искал музыку. Он искал носитель. Если не научимся звучать «неправильно», нас вычислят по первому же чистому вздоху. Нужно стать невидимыми для их приборов. Мы должны стать шумом.

Марко медленно подошел к пианино. Он посмотрел на западающую клавишу ля-бемоль, на которой не хватало куска кости. Его окровавленный палец завис над ней, мелко дрожа.

– Я... я не знаю, как играть мимо нот, – признался он. В этом признании было больше капитуляции, чем в самом бегстве из театра.

Мастерская мгновенно превратилась в барокамеру. Воздух отяжелел, приобретая привкус озона и стерильной чистоты – той самой, что предвещала появление «Настройщиков». Этот импульс не был слышен обычным ухом; он ощущался как тошнотворное давление на глазные яблоки, как высокочастотный писк, от которого сводило челюсти.

– Они развернули акустическую сеть, – прошептал Юлиан; его пальцы замерли над желтыми клавишами. – Ищут идеальный синус твоего страха, Марко. Ты для них сейчас – как зажженный прожектор в тумане.

Марко сидел, вжав голову в плечи. Его дыхание было рваным, коротким – идеальная мишень для сканеров Колледжа, распознававших аритмию как признак «дефектного биоматериала».

– Я... я не могу, – зубы Марко выбивали дробь. – Их звук... он приказывает мне замолчать. Он безупречен. Он совершенен.

Лина шагнула к нему и сжала его плечи, чувствуя, как под тонкой тканью сюртука Марко сотрясают судороги.

– Нет ничего совершенного в смерти! – она почти кричала ему в ухо, перекрывая нарастающий гул. – Слушай не их, слушай Юлиана. Слушай, как скрипит этот пол. Слушай, как пульсирует кровь в твоих разбитых пальцах. Это грязь, которая спасает!

Николас у окна внезапно вскрикнул и схватился за горло. Его модифицированные связки, настроенные Колледжем на эталонную чистоту, начали вибрировать в ответ на сигнал преследователей. Из его приоткрытого рта потянулась тонкая струйка высокочастотного свиста – он непроизвольно превращался в живой радиомаяк.

– Грей! – выдавил Ник сквозь сцепленные зубы. – Они... запеленговали... меня...

Юлиан чертыхнулся и с силой обрушил обе руки на клавиатуру. То был не аккорд, а хаотичный взрыв звука.

– Играй, Альбрицци! – взревел Юлиан. – Создавай белый шум! Забей их частоты мусором! Гнилью! Хаосом!

Марко, словно в трансе, коснулся клавиш. Пальцы по привычке пытались выстроить чистую терцию, но Лина сжала его плечи почти до боли. И тогда он сдался. Он ударил по западающей ля-бемоль, извлекая из нее дребезжащий звук, и добавил к нему тяжелый, рокочущий бас в нижней октаве.

Лина подхватила этот ритм. Она не пела слова – она стонала, вскрикивала, имитировала скрежет металла и завывание ветра, превращая свой голос в акустический шип, вонзающийся в стерильную сеть «Настройщиков».

Снаружи стрекот детекторов на мгновение захлебнулся. Идеально откалиброванные приборы Колледжа не могли классифицировать этот звуковой винегрет. Для них это был не сигнал, а статистическая погрешность – мусор, не стоящий внимания.

Пальцы Марко соскользнули с привычных позиций. Первый аккорд, который он извлек, походил на хруст костей. Это был грязно-серый диссонанс; от такого звука у любого выпускника консерватории пошла бы кровью из ушей. Альбрицци зажмурился, его лицо исказилось, словно он вгрызлся в ржавое железо, но Лина не отпускала его плечи, вжимая его в этот хаос, как в спасительную грязь окопа.

– Ещё! – выдохнула она. – Ломай интервал!

И Марко прорвало. Он перестал играть пальцами – он начал бить по клавишам всей тяжестью разбитых кистей. Юлиан подхватил безумный ритм, превращая старое пианино в грохочущую кузницу. Звук больше не лился – он выплескивался рваными кусками, колючими и непредсказуемыми. Западающая ля-бемоль теперь не раздражала: она стала ритмическим акцентом, выплевывая сухой, кашляющий стук в такт бешеному пульсу Марко.

Снаружи, на мостовой, стрекот детекторов внезапно сбился. Приборы «Настройщиков», откалиброванные на поиск божественных пропорций, захлебнулись в этом акустическом шлаке. Мастерская Грея превратилась для них в «мертвую зону» – шум станка, помехи, не стоящие внимания стерильных алгоритмов.

Николас, прижатый к косяку, почувствовал, как невидимая удавка на горле ослабла. Частота, вытягивавшая из него жизнь, растворилась в грохоте пианино.

– Получается... – прохрипел он, сползая по стене. – Они... они проходят мимо. Мы для них – просто скрежет железа.

Марко играл, и по его щекам текли слезы, смешиваясь с пылью и копотью. Его игра превратилась в стихийное бедствие: он выплескивал годы подавленной ярости, страх перед Моретти и горечь фальшивого совершенства. Это была не музыка – это была экзекуция идеала.

Юлиан оскалился в дикой улыбке; его руки летали над басовым регистром, создавая фундамент для этого безумия.

– Слышишь, Альбрицци? – крикнул Юлиан, перекрывая гул. – Это звук жизни! Она пахнет не розами, а потом и жженой медью!

В конце улицы замер тяжелый топот «Настройщиков». Тишина вернулась в квартал Ольтранно, но в мастерской всё еще дрожал воздух, заряженный их общим сопротивлением. Марко медленно опустил руки. Последняя, ржавая нота долго вибрировала в пространстве, прежде чем окончательно погаснуть.

Лина разжала пальцы. Её ладони горели от жара, исходившего от тел пианистов.

– Мы живы, – тихо сказала она.

Марко посмотрел на свои руки. Они были в крови, клавиши окрасились в багровый, но в его взгляде впервые за вечер не было пустоты.

– Я никогда так не чувствовал инструмент, – прошептал он. – Он сопротивлялся мне. И это было прекрасно.

Мастерская снова наполнилась гулом, который не бился о стены, а прошивал их насквозь. Юлиан Грей работал локтями, выколачивая из старого дерева первобытный, костяной ритм. Он задавал темп распада, а Марко, чьи пальцы еще минуту назад искали спасения в стерильных октавах, внезапно поймал этот драйв обреченности.

– **Дуэль и слияние:** Пальцы Марко летали по клавишам, но теперь это была не пробежка атлета, а агония. Он намеренно задерживал мизинец на западающей клавише, превращая фальшь в настойчивый, сводящий с ума акцент. Юлиан скалился, подбрасывая в этот костер тяжелые басы, заставлявшие деку пианино стонать, как обшивку тонущего корабля. Два мира – рафинированная классика и грубая механика – столкнулись, высекая искры живого звука.

– **Акустический кокон:** Лина закрыла глаза, чувствуя, как вибрация пола поднимается по ногам, наполняя легкие. Её голос больше не подчинялся правилам бельканто. Она вплела в канонаду пианистов хриплые, горловые звуки, имитируя скрежет ржавых петель и свист ледяного ветра. Этот гул не имел центра: он заполнял углы, стирая границы мастерской. Для стороннего слушателя это было бы невыносимо, но для «Настройщиков» стало непреодолимой стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.